

ФИЛОСОФИЯ

Н.С. Рыбаков

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА У РАННЕГО МАРКСА

190-летию со дня рождения Карла Маркса посвящается

Устарел ли марксизм? Разговор о проблеме человека в марксизме мы начнем с некоторых уточнений нашей позиции относительно марксизма вообще, марксистской философии, в частности.

Начиная с 1985 г. – с официально провозглашенного курса на перестройку в нашей стране, – когда произошло некоторое ослабление идеологических шор, когда на место строго соблюдаемого идейного единomyслия пришло идейное разнообразие – мировоззренческий и идеологический плюрализм, – в общественно-политической, публицистической, да и просто в популярной литературе начали, как грибы, появляться статьи, авторы которых рассуждали о судьбах марксизма, о его прошлом, настоящем и будущем. Подавляющее их большинство стремилось разгадать загадку: умер ли марксизм? Будет ли жить дальше? Что такое марксизм – утопия или научный проект справедливого устройства общества?

Точек зрения, в полном соответствии с провозглашенным плюрализмом, было предостаточно, хороших и разных. По степени притяжения-непритяжения марксизма они распределились между двумя крайними позициями: марксизм умер – марксизм не умер. Неоднозначность отношения к марксизму обуславливалась еще и тем, что в нем, как, пожалуй, ни в одной мировоззренческой системе, тесно переплелись идеология, широко распространявшаяся и сознательно культивируемая государствами социалистической системы, и философия как критически-теоретическое осмысление мира. С одной стороны, это обстоятельство свидетельствовало об органичности связи между существующими мировоззрением и идеологией, а тем самым повышало эвристичность и первого, и второго. С другой, эмоциональное и рациональное непритяжение господствующей идеологии неизбежно переносилось и на философскую систему марксизма. До спокойного анализа философского учения Маркса, понятно, дело тогда не доходило. Возможно, для этого время еще не настало, не появился соответствующий масштаб для исторического осмысления самой этой системы.

Правда, неизбежно возникал парадокс. На протяжении десятилетий относительно статуса марксизма твердили: "марксизм – высший этап в развитии философии". Но уже в самой этой

позиции имплицитно содержалась причина застоя и деградации данной системы. Ведь если вершина достигнута, то движение вперед - это движение вниз. С вершины горы можно либо воспарить вверх, либо скатиться вниз. В первом случае еще можно рассчитывать на покорение новой вершины, во втором случае приходится подсчитывать шишки и синяки. Масштаб оценки достижений марксизма его официальные апологеты усматривали в нем самом, а не вне. Но в этом случае на марксизм невозможно взглянуть со стороны. И конструктивная критика марксизма, его принципов и теоретических положений в основном шла "из-за бугра": югославская школа праксиса, экзистенциальная философия, неотоцизм с его принципом аналектики, советология, франкфуртская школа и др.

К настоящему времени эмоциональные страсти стихают, отрицание и неприятие марксизма утрачивают свою ярко выраженную доминанту, а это означает, что появляется возможность его конструктивного анализа. Нельзя в этой связи не согласиться со словами А.Б. Баллаева: "В последние годы в нашей стране от официально неумеренного восхищения творчеством Маркса перешли к резко негативным оценкам, что объясняется, конечно, общей политико-идеологической ситуацией. Историку философии, однако, не пристало разделять и пафос былых восторгов, и энтузиазм продолжающихся проклятий" [4, с.482]. Схожую мысль высказывает и В.С. Швырев, утверждающий, что о "заслугах К. Маркса ... не надо забывать в наше время в большинстве своем невежественного нигилизма по отношению к его теоретическому наследию, как не следует, разумеется, забывать всех тех пагубных последствий догматизации теории марксизма ..., которые оказались связанными с реализацией этой утопии" [15, с.109].

Можно сказать, что вопрос о состоянии марксизма, его месте и роли в развитии истории философии и человечества актуален и должен быть тщательно исследован. Вопрос этот обширен, как обширно само учение Маркса. Вопрос этот чрезвычайно сложен, как сложно и неоднозначно учение, породившее его и способствовавшее становлению и утверждению именно в качестве идеологии; сложна эпоха, которая привела к необходимости переоценки его принципов и идей. Вопрос, далее, таков, что ни решить его окончательно и однозначно (умер марксизм или нет), ни даже сколь нибудь полно обсудить сейчас едва ли возможно. И, прежде всего потому, что в самой жизни нашей страны за время, прошедшее с начала перестройки, многое обернулось, к тому же не один раз: была эпоха постперестроечная, затем настали эпохи либерализации, демократизации, социального реформирования, теперь наступает эпоха утверждения гражданского общества... И каждая новая эпоха вносит новый нюанс в осмысленные роли и места марксизма.

На начальном этапе перестройки остро ощущалась необходимость расширения точки зрения на мир - принцип классового подхода, принцип партийности сменились на так называемые общечеловеческие ценности. Уходя от конфронтации социализма и капитализма, мир как будто бы сам распахивал двери, стирая границы, и требовал всеобщего единения. Во всяком случае, если это и не случилось в полном объеме, то витало в воздухе. Потому те приоритеты и ценности, на которые изначально опирался марксизм, должны были либо изменить свое содержание, либо отмереть. Нелепо же было держаться за идеал общественной собственности, когда в стране заговорили о приватизации, метко окрещенной в народе "прихвятизацией", когда появились первые ростки частной собственности. Однако дальнейшие события, связанные с бурным "перетеканием" общественной собственности (правда, до сих пор остается открытым вопрос о том, а была ли она при социализме?) в частные руки, начавшаяся борьба за передел собственности, а параллельно с этим - развал советского государства, потеря не только прежних мировоззренческих ориентаций и ценностей, но и вообще каких бы то ни было идеалов, кроме установки на тотальное разворовывание страны - все это и многое другое иначе заставляют взглянуть на значение марксизма. Не исключено, что он может опять войти в моду.

В воздухе 90-х годов запахло национальной диктатурой, а это в известной степени вопрос, относящийся к марксизму, хотя и не только марксистский. Пошло бурное расслоение бывшего советского общества, появилось социальное недовольство, усиленное бесцеремонными задержками зарплат со стороны государства. Начинались забастовки, участники которых выдвигали

не только экономические, но и политические требования, не исключены требования идеологического характера. В этой связи можно поставить отнюдь не риторический вопрос: устарело ли марксистское учение о классовой борьбе? О трех ее формах и стадиях развития пролетариата, которые он проходит, созревая как революционный класс? Все это описано в "Манифесте Коммунистической партии", который начинается с констатации бродящего по Европе призрака, над которым много и язвительно издевались наиболее ретивые ниспровергатели марксизма.

А разве нелишне вспомнить слова Энгельса о том, что "в основе политического господства повсюду лежало отправление какой-либо общественной должностной функции и что политическое господство оказывалось длительным лишь в том случае, когда оно эту свою общественную должностную функцию выполняло" [16, с.184]. И не только вспомнить, но и спросить у государственных чиновников: не слишком ли вы, господа, увлеклись отправлением личных функций за счет приложения своих рук к общественным и государственным закромам? Ведь только слепой не замечал, что после громогласных заявлений и обещаний высших должностных лиц, пекущихся якобы о благе народа, самозабвенно пожертвовать собой, "лечь на рельсы истории", не допустить никаких потрясений наступала странная мгновенная забывчивость не только о благе, но и самом народе. История, однако, неизбежно готовит бесславный конец всем, кто страдает забывчивостью относительно своего общественного долга, своих должностных общественных функций, служит собственному карману, а не делу государственному. Можно ли после всех тех перипетий, что произошли с Россией за последние лет 20-25, загонять марксизм на задворки истории, идеологии, да и самой жизни?! Марксизм не устарел и не устареет, как, впрочем, и любая другая философия. Разумеется, это не значит, что не должна меняться форма учения, тем более, его содержание. Разве устарел аристотелизм? Или картезианство? В истории все оказывается и актуальным и значимым, хотя на разные периоды приходится разная степень интенсивности того или другого учения.

В контексте сказанного обозначим основные позиции относительно марксизма и его места и роли в истории: 1) марксизм был и остается незыблемым, оправдавшим себя во всем учением; 2) марксизм не выдержал испытания временем, более того, он ложен в своих исходных принципах, особенно касающихся социальной сферы; 3) марксизм надо очистить от тех наслоений и деформаций, которым он подвергся в период культа личности, и вернуться к подлинному учению Маркса.

Каждая из этих позиций включают в себя как позитивные, так и негативные черты и едва ли может быть принята без дополнительных уточнений. Так, первая позиция ведет к абсолютизации и догматизации марксизма. Вторая позиция есть догматизация наоборот, тоже едва ли полностью приемлемая. Третья позиция требует пристальной проверки истории марксизма, чтобы можно было ответить на вопрос о его подлинности. Но тут-то и возникает сама проблема, ибо, как уже говорилось, каждая эпоха по-новому расставляет акценты в том или ином учении, так что возврат к подлинному марксизму, как впрочем, и к любому другому учению прошлого в полном смысле невозможен - возможны лишь его реконструкции, на которых неизбежно скажутся социокультурные доминанты соответствующего времени.

Автор этих строк, выступая на международной научно-практической конференции "Марксизм, обществоведческая мысль современности и социалистические тенденции развития человечества в XXI веке" (Москва, ИФ РАН, 2002), отмечал, что первое впечатление от докладов и выступлений таково: тот стиль мышления, тот язык, на котором мы объясняемся, является уже анахронизмом. Нынешняя повседневность требует иной динамики, иного конструирования аргументов, выхода к иной проблематике.

Необходимо изменение формы марксизма. В чем и как оно должно выражаться? Это очень непростая проблема, ибо в предыдущие десятилетия марксизм заостенел настолько, что трудно было даже представить, что нового могла бы предложить теория, не отступив от основных его постулатов. Для изменения формы необходимо вернуться к анализу тех типов мировоззрений, которые утверждаются в глобальном контексте. Речь идет о постмодерне, о новой онтологии социальности, о повсеместно распространяющейся методологии плюрализма.

Важна динамика содержания марксизма. Марксизм - неоднородное учение. Если брать его отдельные положения, то, разумеется, среди них найдутся и устаревшие, и явно ошибочные, и утопические, но есть такие, что сохранили свою актуальность, а также те, которые еще не реализовались. Поэтому споры об отдельных частях и фрагментах теорий могут длиться сколь угодно долго, победителей в них не окажется. Марксизм включает в себя теории разного уровня и характера. В философии марксизма есть теория материи, теория отражения, диалектика, теория познания, теория классовой борьбы, учение о формациях и т.д. Каждая из них имеет свою предметную область, свой набор категорий, опирается на единую совокупность принципов: материального единства мира, развития, практики и т.д. Теории, как и любое знание, изменяются, их положения рано или поздно потребуют пересмотра, коррекции. Потому-то в каждой теории, не говоря уже о здании марксизма в целом, непременно возникнут подвижки, которые приведут к необходимости преобразования теории в целом. Это ведет и к смене облика марксизма. А вот в чем и как?

Мы оставим детальные исследования этого историкам марксистской философии. Здесь же отметим, что, решая вопрос о судьбах философии марксизма, следует выявлять потенциал ее основоположений, изучать возможности обретения ею новой формы и нового содержания. Правда, тут встает контрольный вопрос: будет ли такая философия вообще марксистской? На него можно ответить по-разному. Мы, со своей стороны, поставим новый вопрос: так ли уж важно, какой облик будет принимать новая философия? Важно, чтобы она смогла интегрировать в себе достижения мировой философии, осмыслить сегодняшние проблемы и дать на них ответы, уловить смысл и исходный принцип устройства нашей эпохи. По-видимому, не столь важно, какая перед нами философия. Гораздо существеннее другое: как глубоко она проникает в суть современных процессов, как она осмысливает историю, как обобщает достижения естествознания, какие перспективы открывает человечеству.

Именно с учетом данных соображений мы и обращаемся к идеям Маркса, точнее, к раннему Марксу, стремясь понять, как он представлял себе человека, его жизнь, отношения с другими людьми. И полагаем, что в сопоставлении с тем, что происходит сейчас в современной России, многое из представлений Маркса не выглядит ни наивным, ни устаревшим, ни утопическим.

Человеческая сущность как истинная общественная связь людей. Марксистская концепция человека в качестве отправного пункта имеет, как известно, тезис Маркса: "Фейербах сводит религиозную сущность к человеческой сущности. Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений" [10, с.262]. Здесь нет необходимости ни приводить, ни тем более анализировать тот огромный материал, в котором даются различные интерпретации данного тезиса, поскольку это увело бы нас далеко в сторону от целей настоящей статьи. Отметим лишь, что в самом тезисе используются такие категории, которые чрезвычайно важны для решения проблемы человека, но которые не имеют скольнибудь однозначного толкования. Это, во-первых, центральная категория "человеческая сущность" ("сущность человека"). Далее, во-вторых, категория "абстракт", который, в-третьих, не присущ отдельному "индивиду". Наконец, в-четвертых, говорится о "действительной сущности", которая есть, в-пятых, "совокупность всех общественных отношений".

Что же представляет собой человеческая сущность? Она есть абстракция, которая является, возможно, плодом теоретизирующего ума и, стало быть, придумана самим же человеком, или же она есть нечто действительное, реально имеющее место? Маркс недвусмысленно говорит о действительности сущности, о том, что это никак не абстрактная конструкция, мысленно приписываемая индивиду. Наоборот, эта сущность не просто имеет место в самой действительности, в действительном бытии человека, но и представляет собой совокупность всех общественных отношений. Человеческая сущность категориально развернута у Маркса как действительно имеющая место совокупность всех общественных отношений. И задача, стало быть, заключается в том, чтобы выяснить, что представляют собой эти общественные отношения, взятые к тому же во всей их совокупности. Но что такое "общественные отношения"? Сколько их и каких

они видов бывают? Очевидно, без анализа этой новой проблемы нельзя понять, в чем же заключается сущность человека. Однако прежде чем браться за эти самые общественные отношения, надо хорошенько представлять себе, что есть отношение вообще, поскольку общественное отношение - это видовое понятие, производное от понятия "отношение".

Не углубляясь в дискуссии по проблеме отношения, отметим, что отношение есть нечто такое, что одновременно присуще двум или нескольким участникам (или членам), между которыми имеется это самое отношение. Отсюда можно сказать, что, во-первых, отношение есть связь, во-вторых, эта связь связывает, по меньшей мере, два члена, в-третьих, эти члены, с одной стороны, различны, иначе как их можно было бы зафиксировать в качестве членов отношения, с другой стороны, тождественны, иначе никакого отношения (связи) между ними завязаться не могло бы. В отношении, таким образом, "задействованы", как минимум, два участника, связанных этим самым отношением в некое единое целое, но в то же время они сохраняют и свою обособленность, и свое различие. Отношение дает некую единораздельную структуру, свойства и строение которой и подлежат исследованию.

В обществе - это, видимо, не требует дополнительных пространственных пояснений, - в отношении вступают люди, отдельные индивиды, социальные группы. Общественные отношения - это отношения людей, их связь друг с другом. Общество - и это тоже на первых порах не требует дополнительных доказательств - существует, и это существование дает основание говорить на уровне интуиции о нем как едином целом. Общество покоится на общественных отношениях, а они в пределе представляют отношения (взаимодействия) всех людей, живущих и живших. Можно даже допустить, что в обществе каждый взаимодействует с каждым, что каждый индивид связан с каждым другим. И теоретически это оправдано. А эмпирически? Наверное, нет, - так будут утверждать многие. Ведь, разве, - спросит кто-то, - я взаимодействую с президентом Колумбии? Или с аборигеном Новой Зеландии? И возможно ли это? Даже жители двух деревень, находящихся в одном районе, могут не знать о существовании друг друга, не говоря об их взаимодействии. И отчасти этот кто-то будет прав. Видимого взаимодействия каждого с каждым не наблюдается. Эмпирически отношения людей могут быть ограничены ближайшей средой, где они живут. Но достаточно ли фиксации чувственной формы, практического опыта для сомнения в том, что каждый связан с каждым? Не ошибемся ли мы, наложив ограничения на сферу отношений людей? Не исказим ли наши представления о человеке и обществе? Никто не запрещает нам допустить, что именно каждый взаимодействует с каждым. Вот только как это понять?

Общественное отношение - это взаимосвязь людей, причем эта связь такова, что охватывает всех людей, потому о ней можно говорить и во множественном числе. Попробуйте-ка допустить, что хотя бы один индивид выпадает из этой связи, и подумайте, что из этого получится. Общество - единораздельная структура, где помимо связей выделяются и носители, участники данных связей, люди, индивиды. После этого мы можем сказать, что мысль Маркса о том, сущность человека не принадлежит отдельному человеку, раз она (сущность) связана с отношением людей, становится ясной.

Сущность действительно как бы охватывает собой сразу всех людей, распространяется на всех без исключения. Она - и в людях, и вне них в силу ее собственной природы и назначения: связывать людей. Как только сущность мы соотнесем с отдельным индивидом, а именно это и сделал Фейербах, так тотчас ликвидируем всякое отношение, всякую связь, всякое взаимодействие между людьми, то есть тем самым фактически ликвидируем и общество как общество, а вместе с ним - всех индивидов. Ибо попробуйте представить хотя бы на мгновение индивида, нигде, никак, ни в какой момент своего бытия ни с кем не связанным! Такое в принципе невозможно, как невозможен вечный двигатель, хотя до Маркса многие философы исходили именно из подобного допущения и сразу же наталкивались на множество парадоксов, когда пытались постичь суть человеческой истории. Можно, однако, спросить: почему бы сущность изначально не "привязать" к отдельному индивиду, а затем отсюда "выводить" общество? В принципе такая возможность допустима. Но и здесь тоже встают огромные трудности.

Допустим, что сущность действительно принадлежит отдельному индивиду. Какому именно? И сколько индивидов в обществе? Если он один, то никогда не сможет образовать общество, которое по самому смыслу своему объединяет множество людей. Отдельный индивид, говоря языком Канта, есть некая "вещь-в-себе", которая хотя и существует, но никак себя не обнаруживает, поскольку ни с чем не взаимодействует, ни к чему не относится. Все, что имеет такая вещь, есть исключительно ее собственное достояние, никому другому не принадлежащее больше. А если имеются два изолированных индивида, что произойдет в этом случае? Ничего. Ибо если есть два индивида, причем у каждого своя сущность, только ему одному принадлежащая, то они окажутся несопоставимыми, "разойдутся как в море корабли". Точнее, говоря, они и подозревать не будут о существовании друг друга. И в этом случае они не смогут образовать общество, поскольку не смогут вступить в связь друг с другом, ведь сущность-то у них различна. Сколько бы индивидов со своей особенной сущностью ни было, они никогда не вступят в отношения друг с другом, ибо они - изолированные индивиды. А стало быть, они не смогли бы существовать в принципе. Они не способны выйти за пределы своей собственной оболочки. Только та сущность, которая обща для всех, принадлежит всем одновременно, не концентрируясь специально ни в одном индивиде, и которая единит всех, способна быть фундаментом существования и индивидов и общества.

Итак, чтобы можно было вести речь о человеческой сущности, необходимо иметь: а) индивидов, то есть отдельных людей; б) взаимодействие их друг с другом. Если сущность принадлежит только индивидам, то отношение между ними становится проблематичным. Если же сущность отождествить только со связью, отношение лишается своей опоры - носителей - и также прекращает свое существование.

Маркс говорит о сущности человека, используя термины "абстракт" и "в своей действительности". Что это значит? Из современной методологии известно, что термин "абстракт" (в какой-то степени ему близко по значению слово "конструкт") означает примерно то же самое, что и "абстракция". Если, однако, конструкт - это нечто сконструированное в мысли, возможно, безотносительно к самой действительности, то абстракт есть по сути дела тоже конструкция мысли, только упрощенно, односторонне отражающая действительность. Например, когда в механике мы рассматриваем движение поезда и отвлекаемся не только от того, товарный ли это поезд или пассажирский, но и от размеров, представляя его как материальную точку, не имеющую размеров, то вместо действительного поезда мы имеем дело всего-навсего с его абстрактом. Если после этого кто-то будет всерьез считать, что у реального поезда нет размеров, то он, понятно, ошибется. И, тем не менее, абстракт помогает кое-что понять из жизни поездов, в частности, составить график их прохождения по какому-либо участку дороги.

Нечто похожее произошло с Фейербахом, которого критикует Маркс: он не только связал сущность человека с отдельным индивидом, что уже само по себе является ошибкой, но и превратил ее в нечто абстрактное, изолированное от действительности и существующее только в мысли. Маркс же говорит как раз о том, что сущность человека не есть абстракт, она имеет место в самой действительности. При этом здесь возникает серьезная проблема, суть которой такова.

Во-первых, если человеческая сущность действительна, то как она существует? Что является ее содержанием? В какой форме это содержание выражено? Маркс пишет, что "*человеческая сущность является истинной общественной связью людей*" [9, с.23]. Под истинной, по видимому, Маркс имеет в виду как то, что общественная связь людей является действительной, имеющей место не в мыслях, а в самой жизни людей, так и то, что эта связь развертывает сама себя, самореализуется и самоосуществляется, то есть, является неким самообеспечивающимся и самоподдерживающимся процессом.

Во-вторых, если человеческая сущность действительна, то есть имеет место в самой действительности, то как она воспринимается, фиксируется людьми, в каких формах она предстает в теоретической мысли? Это - чрезвычайно сложная проблема.

Прежде всего, сложна сама действительность, которая может проявлять себя как адекватно, так и превращенно. Например, когда ночь сменяет день, на землю сначала опускаются су-

мерки, затем наступает темнота. Ночь проявляет себя как время суток адекватно - в виде наступления темноты. Но это имеет место лишь на определенных широтах. За полярным кругом, например, в летнее время солнце не скрывается за горизонтом, наступление ночи фиксируется лишь по времени, хотя ночью на самом деле светло. Свет в данном случае есть неадекватное проявление ночи, оно близко к превращенному, не соответствующему истинному положению дел. В превращенной форме проявляется движение Солнца вокруг Земли, поскольку, как известно из небесной механики, наоборот, Земля вращается вокруг своей оси, и это создает видимость движения Солнца вокруг нашей планеты.

Общественная жизнь гораздо сложнее и запутанней движения небесных светил, а потому на каждом шагу человек сталкивается с превращенными формами, принимает их за действительность и тем самым впадает в иллюзии относительно сути общественных процессов. Этой особенностью социальной реальности сознательно, а порою бессознательно, пользуются в политике, чтобы внушить массам необходимость тех или иных перемен, а то и просто ввести в заблуждение, чтобы скрыть свои корыстные намерения и интересы. К тому же социальная реальность такова, что она многослойна, так что превращенная форма одного слоя накладывается на превращенные формы другого, в результате проявляются двойные, тройные, многократно усиленные превращенные формы, разобраться в которых становится очень сложно, а то и вовсе невозможно. Особенностью превращенной формы, чрезвычайно затрудняющей постижение ее истинной сути, "является действительно (а не в сознании наблюдателя) существующее извращение содержания или такая его переработка, что оно становится неузнаваемым прямо. Но сама эта косвенная фигурация... выступает... как вполне самостоятельный... предмет..." [7, с.317]. И этот предмет, добавим мы, человек видит, воспринимает, ориентируется на него, имеет с ним дело, порой даже не подозревая, что перед ним фантом, ложное, недействительное образование, превращенная форма. Потому если человеческая сущность существует, если она действительна, то это еще не значит, что она доступна анализу и сразу предстает в ее истинном свете. Нет, она, как правило, предстает и проявляется в превращенной и извращенной форме, которую-то человек и воспринимает прежде всего чувственно-эмпирически. Итак, следует отличать действительную, истинную человеческую сущность как таковую, какова она сама по себе, от ее превращенных форм и осуществления последних в социальном мире.

В-третьих, необходимо отличать видимые, наблюдаемые движения в человеческом мире, от того, что в нем действительно происходит, что за этим (видимым) стоит. Необходимо уметь вычленять те формы, которые принимают видимые движения, хотя на первый взгляд кажется, что они совпадают. На самом деле это разные вещи. Действительные процессы проявляются в определенных (большей частью превращенных) формах, которые фиксирует человек, и они становятся для него видимыми, чувственно-воспринимаемыми формами. Некритически относящийся к действительности человек склонен видимые формы отождествлять с самой действительностью и возводить на этом зыбучем фундаменте теоретические конструкции. Стало быть, чтобы добраться до истинной общественной связи людей, необходимы значительные усилия теоретического анализа общественной жизни, необходима разработка соответствующих категорий, надо найти действительный фундамент для анализа человеческой сущности.

Итак, Маркс полагает, что человеческая сущность как совокупность всех общественных отношений есть истинная, то есть осуществляющаяся в самой действительности связь людей. Она возникает не вследствие рефлексии, но "выступает как продукт нужды и эгоизма индивидов, то есть как непосредственный продукт деятельного осуществления индивидами своего собственного бытия. От человека не зависит быть или не быть этой общественной связи..." [9, с.23-24]. Это значит, что общественная связь носит объективный характер, она не зависит от того, сознают ее наличие индивиды или не сознают, хотят ее присутствия или не хотят. Она возникает необходимо и, вообще говоря, парадоксально.

В самом деле. Маркс пишет, допуская существование только индивидов самих по себе, что у них есть нужда - нужда своего собственного существования, ибо едва ли можно предположить, чтобы нормальный изолированный индивид желал бы себе смерти, уничтожения. Напротив, он

стремится сохранить свое существование. Т. Гоббс писал: "Первым из всех благ является самосохранение. Ибо природа устроила так, что все хотят себе добра. Но чтобы каждый мог достигнуть его, необходимо желать жизни и здоровья, а также гарантии сохранения обоих этих благ и в будущем, поскольку его можно обеспечить" [3, с.241]. Итак, нужда самосохранения, желание этого, а потому забота в первую очередь о себе - такова основа эгоизма. Невероятно, однако, что изолированный индивид, преследующий эту цель, заботящийся о самосохранении, о себе, вынужден именно по самой этой причине вступать в связь с другими индивидами. Осуществляя собственное бытие, индивид может делать это лишь в связи с другими индивидами. Таков смысл утверждения Маркса об объективном и необходимом характере общественной связи.

Человеческая сущность есть истинная общественная связь людей, то есть имеющая место в самой действительности и не зависящая от их мыслей о самих себе и о данной связи. В нужде и стремлении к самосохранению индивид начинает действовать, заниматься деятельностью. "Деятельность, - пишет Т. Гоббс, - благо, ибо это движение жизни" [3, с.243]. Именно это обстоятельство и учитывает Маркс, говоря о том, что деятельностью и в деятельности индивиды осуществляют свое собственное бытие. Люди действуют - к этому побуждает их нужда. Действуя, они осуществляют, производят, творят собственное бытие. Деятельность - это бытие человека, это и способ бытия человека. Действуя, индивиды лишаются своей изолированности, вступая в связь с другими людьми. Деятельность потому есть не только бытие и способ бытия человека, но это еще и содержание его бытия, это - содержание их связи. Оно выражается в результатах деятельности, ее продуктах, в самом процессе деятельности. Иначе говоря, это есть способ бытия связи людей, способ ее созидания. Действуя, люди создают и общественную связь, осуществляя тем самым свою общественную сущность. Иными словами, общественная связь имеет своей основой, субстанцией, содержанием деятельность индивидов по самосохранению. Смысл деятельности заключается, во-первых, в самом процессе производства необходимых для обеспечения самосохранения продуктов, которые и производит индивид, во-вторых, во взаимодействии индивидов, которое, в свою очередь, в-третьих, представляет собой совместные действия индивидов по производству продуктов, которые одному произвести не под силу, либо же, в-четвертых, обмен как актами действия, скажем, в процессе разделения труда, где одну операцию делает один, другую - другой индивид, а вместе они создают желанный продукт, так и продуктами деятельности. Таким образом, деятельность по своей форме в отношении индивидов предстает как обмен, а значит, такова же форма и общественной связи, стало быть, и человеческой сущности.

Сущность человека как истинная общественная связь людей, покоящаяся на их совместной деятельности, выступает в действительности в форме обмена процессом и результатами деятельности. Обмен есть то непосредственно фиксируемое, что имеет место в обществе и в жизни индивида, в чем каждый из нас непосредственно участвует и испытывает на себе. Со своей стороны, формы и способы обмена чрезвычайно динамичны и разнообразны. Там, где есть обмен, необходимо присутствует и посредник обмена, то есть, во-первых, то, чем обмениваются два индивида, во-вторых, тот, кто способствует осуществлению обмена между данными индивидами, если они не контактируют непосредственно, в-третьих, поскольку обмениваются разные продукты (ибо какой смысл менять одинаковые!), постольку появляется необходимость в установлении меры обмена, по которой разные продукты в разных пропорциях могут быть приравнены к друг другу, стало быть, в-четвертых, возникает проблема установления их общности (ибо приравниваться может только общее), а значит, в-пятых, где есть общность, там есть и связь, отношение. Так что обмен и есть реальное осуществление человеческой сущности как истинной общественной связи между людьми и самими же людьми. И еще один момент, важный для понимания марксовской концепции человека: там, где имеет место деятельность, сам процесс деятельности и ее результат есть нечто не только связанное, единое, ибо результатом деятельности является произведенный в ходе ее осуществления продукт, но и разделенное, поскольку процесс деятельности совсем не то же самое, что произведенный продукт. Индивид занимается производством продуктов, но эти продукты не тождественны ни деятельности, ни индивиду. Обменивая их на другие продукты, индивид как бы отрывает их от себя, отчуждает и

отдает в распоряжение другого индивида. Отчужденные продукты начинают "вести" себя не так, как хотелось бы индивиду, породившему продукты, ибо они оказались уже вне сферы его досягаемости. И это обстоятельство тоже играет важную роль в осуществлении людьми своей человеческой сущности как общественной связи.

Обмен как родовой акт. Уже при чтении ранних работ Маркса, например, "Экономическо-философских рукописей 1844 года", "Конспекта книги Джемса Милля "Основы политической экономии"", "О книге Фридриха Листа "Национальная система политической экономии"", можно обнаружить, что понятие "человеческая сущность" было не просто предметом здравого любопытства молодого мыслителя, и обращался он к нему отнюдь не для приобретения навыков "жонглирования" довольно абстрактными и темными философскими категориями. Напротив, данное понятие потребовалось Марксу для анализа реальной жизни буржуазного общества. Зрелый Маркс в "Капитале" вместе с предшествующими ему "Экономическими рукописями 1857-1859 годов" занимается не только политэкономическими исследованиями, он основательно анализирует природу человека в условиях буржуазного общества. Он пишет, что "мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху" [8, с.623]. На его долю выпала задача исследования специфического осуществления человеческого бытия в буржуазную эпоху*. И поскольку те процессы, что происходят в российском обществе, представляет собой возврат к частной собственности, постольку о человеческой сущности именно этой эпохи иметь представление весьма бесполезно. Понятно, что конец XX в. уже совсем не то, что XIX век, человеческая природа успела модифицироваться с поправкой на время, тем не менее, есть моменты, которые могут иметь значение и сейчас. В дальнейшем мы сосредоточимся в основном на работе Маркса "Конспект книги Джемса Милля...", поскольку в ней многие положения относительно человеческой сущности выражены наиболее выпукло.

Каким же образом можно "добраться" до человеческой сущности и как ее изучать? Мы можем сказать, что идти к этой сущности надо от эмпирически фиксируемых явлений и событий. Но что они собой представляют? Разумеется, это акты обмена, которыми занимаются все без исключения индивиды. Само содержание обмена может быть чрезвычайно разнообразным, но не в этом суть. Посредником обменных актов в обществе, особенно в таком развитии, как буржуазное, выступает нечто весьма распространенное, то, чем может располагать любой индивид. По этому поводу Маркс пишет: "Очень удачно выражая суть дела в виде одного понятия, Милль характеризует *деньги* как *посредника* обмена" [9, с.18]. Производя свой продукт, мы получаем за него деньги в виде дохода, заработной платы. Свой товар мы обмениваем на деньги. Покупая нужную и даже просто понравившуюся вещь, мы свои деньги обмениваем на вещь, произведенную другим индивидом. Таким образом, в процессе обмена мы фактически вступаем в отношение с индивидами, которые произвели другие продукты и которых мы непосредственно не знаем. Но через процесс обмена мы оказались связанными с ними, оказались зависимыми от них. Что здесь обнаруживает Маркс?

На первый взгляд кажется, что сущность денег связана с тем, что в них отчуждается собственность. Собственность есть нечто такое, что принадлежит мне как производителю: я произвел продукт, затратив на него материал, свои силы и способности. Все это перешло в продукт, в его форму, застыло в нем, стало уже не моим, хотя все же я остаюсь его владельцем. Произведенный мною продукт благодаря мне обрел самостоятельное бытие как особый предмет, он отделился от меня. Произошло отчуждение моего продукта от меня же самого. Деньги как раз и выражают это обстоятельство, ибо они обладают способностью обмениваться на любой товар и переходить к кому угодно. Тем самым они обнаруживают свою сущность в качестве отчужденной собственности вообще. "Отчужденной" в данном случае означает ничьей, а потому именно ее и стараются захватить как можно больше. Но это убедительное обстоятельство как раз, подчеркивает Маркс, и не является основательным, не в этом заключена сущность денег. А в чем же тогда?

* Это совсем не означает, что кроме Маркса данной проблемой никто не занимался. Напротив, человеку посвящены работы многих философов XIX-XX вв. [См.: 8].

Если мы вспомним, что человек производит продукт, затрачивая на него некоторую "порцию" деятельности, то станет ясным, что в продукте, стало быть, в деньгах отчуждается *деятельность* человека. Это выглядит так: человек действует как субъект, его деятельность носит субъективный характер. В процессе деятельности он вступает в отношения сотрудничества с другими субъектами, чтобы произвести продукт, так что совместная деятельность есть субъект-субъектное отношение, которое опосредует собой отношение субъектов к продукту. Это теперь опосредствующая деятельность или общественный человеческий акт, направленный на создание продукта. Так вот, в деньгах, утверждает Маркс, отчуждается именно эта опосредствующая деятельность, которая выходит из-под собственности данного индивида. В совместном акте человек связан с другим человеком как субъект (активное лицо) с субъектом. И если он отчуждает в деньгах опосредствующую деятельность, которая уже становится и не его собственностью, то с этим актом отчуждения, пишет Маркс, он теряет свое человеческое лицо, он "может теперь действовать лишь как потерявший себя, как обезчелоченный человек; само *соотнесение* вещей, человеческое оперирование ими, становится оперированием некой сущности, находящейся вне человека и над человеком" [9, с.18]. Возникновение *чуждого* посредника, то есть денег, приводит к тому, что человек теряет свою волю, свою самостоятельность и попадает в рабство к этому посреднику. "Так как посредник есть *действительная власть* над тем, с чем он меня опосредует, то ясно, что этот *посредник* становится *действительным* богом. Его культ становится самоцелью" [9, с.18]. Этот посредник, развивает свою мысль Маркс, есть отчужденная *сущность* частной собственности, ставшая для самой себя внешней, *отчужденное опосредствование* человеческого производства с человеческим производством, *отчужденная* родовая деятельность человека. Все свойства родовой деятельности человека переносятся на посредника - деньги становятся мерилом всех достоинств человека. Человек, лишенный денег, превращается в ничто.

Таким образом, за видимым осуществлением обмена в форме денежного обмена Маркс усматривает движение родовой, то есть изначально принадлежащей человеку фундаментальной характеристики, отличающей его от всех других живых существ, сущности в виде родовой деятельности. Родовое - это принадлежащее человеку как человеку, то есть всему человечеству как роду, независимо от пола, возраста, расовой и национальной принадлежности. Родовое - это объединяющее всех людей в класс человеческих существ.

Обмен - как человеческой деятельностью внутри самого производства, так и человеческими продуктами - Маркс приравнивает к *родовой деятельности* и родовому духу. Почему так? Да потому, что, во-первых, человек изначально существо деятельное, то есть для обеспечения своей собственной жизни он должен производить, действовать, во-вторых, действие немислимо без обмена, поскольку обмен - это перенос действия от одного агента к другому, от человека - к человеку, от человека - к предмету и обратно. Обмен необходим для самообеспечения, для самоосуществления деятельности, а значит, обмен есть как генерация (порождение) связи человека с человеком, человека с предметом, трансформация этой связи (в частности, преобразование субъективного в объективное и обратно), так и обмен самой этой связью, стало быть, самой человеческой сущностью индивида с индивидом. Причем в обменных процессах человек может как обогатиться во всех смыслах (материально, духовно), так и потерять все, потерять свое человеческое лицо.

Обращает на себя внимание тот факт, что Маркс берет человеческую сущность (родовое бытие человека) в изначальной двойственности: в виде а) родовой деятельности и б) родового духа. И это вопреки тому, что за ним позже закрепились характеристика мониста, то есть сторонника той точки зрения, согласно которой исходным, определяющим является какое-то одно начало. Правда, спустя некоторое время, Маркс заговорил об иерархии понятий, с помощью которых раскрывается структура общественной жизни: общественное бытие первично, общественное сознание вторично. Но в данном случае появление вдруг и одновременно и деятельности и духа выглядит несколько загадочно. Ведь, казалось бы, можно было бы вполне обойтись одной лишь деятельностью и из нее теоретически вывести все последующее. Почему же наряду с родовой деятельностью фигурирует еще и родовый дух? Не будем забывать, что Маркс вышел из Гегеля,

у которого дух (Абсолютный Дух) есть одна из центральных категорий. Но в то же время и Гегель не сам выдумал эту категорию. Ведь понятие "дух" было известно с глубоких времен. Потому рискнем сделать следующее предположение: осуществление родовой деятельности без какого-то начального, возможно скрытого толчка, источника невозможно. Действительно, чтобы она могла осуществиться, надо получить некий толчок - внешний или внутренний. Этот толчок есть некое начинательное усилие актуализации, причем именно энергия выступает таким реализующим динамическим началом. С энергией связаны действие, деятельность, осуществление [14, с.88]. Со своей стороны, у человека любое усилие, действие, начинание связаны с затратой сил, с намерением, волей: человек действует силой на основе воли и размышления, хотя и не всегда ум его идет впереди силы и воли. Но ум, воля, сила - это составляющие духа. Дух активен, свободен, он является, согласно христианству, ядром человеческого Я. Потому трудно отделаться от ощущения, что Маркс попросту использует этот факт, нигде не поясняя своего шага. Но когда в человеческую сущность "введены" две составляющие (родовая деятельность и родовой дух), то дальнейшее уже разворачивается вполне последовательно и обоснованно.

Бытие человеческой сущности Маркс обнаруживает в обмене. Обмен же имеет как эмпирическое проявление в обществе, так и абстрактно-теоретическое основание. Абстракцией обмена как раз и являются указанные две категории: родовая деятельность и родовой дух. Но эти абстракции Маркс затем возвращает в эмпирическую действительность, утверждая, что их действительным, осознанным и истинным бытием являются *общественная деятельность и общественное наслаждение*. "Так как *человеческая сущность является истинной общественной связью людей*, то люди в процессе деятельностного осуществления своей *сущности творят*, производят человеческую *общественную связь*, общественную сущность, которая не есть некая абстрактно-всеобщая сила, противостоящая отдельному индивиду, а является сущностью каждого отдельного индивида, его собственной деятельностью, его собственной жизнью, его собственным наслаждением, его собственным богатством" [9, с.23]. Иначе говоря, человеческая сущность, с точки зрения Маркса, не есть лишь теоретическая конструкция, существующая исключительно в голове ученого. Это - вполне осязаемая связь людей, и эту связь люди сами творят, производят, воспроизводят. Она существует реально в определенных формах и оказывается сущностью каждого индивида. "*Каковы индивиды, такова и сама эта общественная связь*" [9, с.24]. Человеческая сущность - это сущность каждого человека, живущего в обществе, сущность всех людей, принадлежащих данной эпохе, данному типу общества, и выражена она через связь индивидов друг с другом. Связь (отношение) - это не-что такое, что "существует, находится" между теми объектами, которые ею связаны; то есть она как бы вне них. Общественная связь потому может "располагаться" вне самих людей, а значит, выступать в отчужденной форме по отношению к самим людям, быть чуждой для них силой, имеющей власть над ними. Но в то же время если нет самих объектов, то никакой связи быть не может. Вне индивидов ни о какой их общественной связи речи нет вообще. Так что индивиды вовлечены, втянуты в ткань данной связи, образуют ее внутреннее содержание. Именно они творят свою сущность, свою связь, именно они отчуждают ее от себя, и она, оборачиваясь против них, начинает разрушать их собственное бытие. Каковы индивиды, то есть живут ли они подлинной человеческой жизнью, или же жизнь их деформирована, извращена, таковой же оказывается и их общественная связь, стало быть, их собственная сущность. Справедливо и обратное: какова общественная связь индивидов, таковы они сами.

На первый взгляд может показаться, что здесь содержится герменевтический круг. На самом деле никакого круга нет. Речь идет о диалектическом характере отношения носителя связи и самой связи. С одной стороны, они образуют некую целостность, скажем, систему "носитель-связь", в которой невозможно обособить ее составляющие друг от друга. С другой же, мысленно в этой системе можно на первый план выставить, скажем, носителя, тогда связь уйдет на второй план. И можно будет после этого утверждать, что общество состоит из индивидов. Если же на первый план выставить связи при полном игнорировании ее носителей, то люди в обществе окажутся лишь пассивными придатками общественной связи. Но ни одна из данных позиций не приближает нас к действительному пониманию сущности человека. Надо стремиться к

тому, чтобы и индивидов, и саму связь увидеть именно в контексте целого, в системе "носитель-связь". Отсюда становится очевидно, что кажущийся круг на самом деле кругом не является: в первом случае раскрывается смысл индивидов в отношении к связи; во втором речь идет о смысле связи в отношении к индивидам опять-таки в контексте целого, то есть общества. Сказанное можно выразить иначе. Сущность человека, представляющая собой общественную связь индивидов, бытийственна, она существует в самой действительности. Сущность же бытийности человека, то есть того, как он существует в действительности, деятельна. Человек есть существо деятельное, и деятельность есть именно способ осуществления людьми своей сущности.

Итак, общественная сущность человека есть, по Марксу, сущность каждого отдельного индивида, так что ни один индивид не выпадает из нее, не может выпасть принципиально. И даже если эмпирически, то есть в реальной действительности, число участников общественной связи всякий раз ограничено, то это отнюдь не отвергает того факта, что человеческая сущность как общественная связь людей есть связь именно каждого с каждым. Каждый зависит от каждого и от всех вместе. Но в такой же степени все индивиды зависят от каждого, и, стало быть, одного индивида. И когда общественная связь доведена до каждого отдельного индивида, когда доказано, что она существует действительно, тогда Маркс указывает, что и формы ее осуществления также действительны: общественная связь есть его (индивида) 1) собственная деятельность, то есть то, что и как он делает, производит, 2) собственная жизнь, 3) собственное наслаждение и 4) собственное богатство. Деятельность, жизнь, наслаждение, богатство - все это имеет реальное воплощение, чувственно-фиксируемые формы, а значит, через это и начинается изучение реальной человеческой истории, непосредственного бытия индивидов. При этом, однако, следует помнить, что путь от видимых процессов, происходящих в обществе, до понимания их действительной сущности долог и труден - тут можно впасть в ошибки и заблуждения. Буржуазное общество, подчеркивает Маркс, есть общество отчужденного от самого себя человека и является карикатурой на его *действительную общественную связь*, на его истинную родовую жизнь [9, с.24]. Отчуждение деформирует родовую жизнь и сущность человека. Действительное буржуазное общество - это действительно осуществляемая деформация человеческой сущности, где деятельность человека становится для самого него мукой, его творение - чуждой для него силой, его богатство - его бедностью, а изоляция индивидов оказывается их действительным бытием, "его власть над предметом оказывается властью предмета над ним, а сам он, властелин своего творения, оказывается рабом этого творения" [9, с.24]. Вот эту-то деформированную, превращенную социальную действительность люди обычно принимают за чистую монету, а политэкономия, замечает Маркс, фиксирует отчужденную форму социального общения в качестве *существенной и изначальной* [9, с.24]. Иллюзия тем самым обретает статус реальности! А что же происходит там, в глубине, куда только и можно проникнуть с помощью абстракций?

Маркс специально подчеркивает, что "грубое политэкономическое суеверие народа и правительства крепко держится за такой *чувственный, осязаемый, бросающийся в глаза* предмет, как денежный мешок, и поэтому верит в абсолютную стоимость благородных металлов и обладание ими считает единственно реальным богатством..." [9, с.19]. И даже образованный политэконом, продолжает он, утверждает в более утонченной форме то же самое - деньги являются самой желанной вещью. Маркс показывает, что деньги как посредник обмена обладают, во-первых, чувственной формой существования, в частности, самих же денег (бумажные деньги, благородные металлы и т. п.), во-вторых, абстрактной и всеобщей формой, к примеру, они существуют во всех товарах, в-третьих, личностной формой. Чтобы конкретизировать это обстоятельство, напомним, что, по Марксу, в деньгах отчуждается и становится свойством материальной вещи тот человеческий акт деятельности, в результате которого производятся продукты и восполняют друг друга. Маркс утверждает, что за видимым личностным бытием денег обнаруживается *моральное бытие, внутренняя жизнь* самого человека, которая выступает в крайне отчужденной форме. Для обоснования этого он обращается к анализу кредита.

"Что составляет сущность кредита?" - спрашивает Маркс [9, с.21]. И отвечает: "*Кредит* есть *политэкономическое* суждение относительно *нравственности* человека... В кредитных от-

ношениях не деньги упразднены человеком, а сам человек превратился в *деньги*, или деньги *обрели* в человеке свое *тело*. *Человеческая индивидуальность*, человеческая *мораль* сами стали предметом торговли и тем *материалом*, в котором существуют деньги. Материей, телом *денежной души* являются уже не деньги, не бумаги, а мое собственное личное бытие, моя плоть и кровь, моя общественная добродетель и репутация" [9, с.22]. Читая эти строки, трудно отделиться от ощущения, что период, переживаемый Россией в конце XX века, как нельзя ярко и убедительно раскрывает справедливость этих слов. Превращение советского человека из гордого строителя коммунизма в заурядного торгаша-спекулянта, вынужденного заниматься этим делом, чтобы не умереть с голода; всеобщее унижение и оскорбление личного достоинства, где деньги упразднили и всякую нравственность, и чувство Родины - все это в рамках нынешней российской действительности оказывается регрессом некогда могучей державы, величайшей гнусностью по отношению к собственному народу со стороны радателей развала России. Впрочем, оставим в стороне эмоции и продолжим рассмотрение концепции Маркса.

Обмен как отношение частной собственности к частной собственности. Деньги - посредник обмена. В них отчуждается опосредствующая деятельность человека, которая становится свойством материальной вещи, произведенной человеком. Тем самым вещь включается в общественную связь человека с человеком, более того, она становится носителем этой связи наряду с самим человеком, а затем и вместо него. Соотнесение произведенных вещей означает оперирование человеческой сущностью, стоящей вне человека. На вещь переносятся человеческие силы, воля, деятельность, она обретает стоимость, которая получает свое выражение в деньгах. Стоимость вещи представлена в деньгах как своим посреднике, однако, первоначально, подчеркивает Маркс, казалось, что деньги обладают стоимостью постольку, поскольку, они представляют собою вещи. Деньги как посредник обмена есть отчужденная родовая деятельность человека, отчужденная частная собственность, и все свойства, принадлежащие этой родовой деятельности человека переносятся поэтому на них [9, с.18]. Но почему, - задает вопрос Маркс, - частная собственность неизбежно должна развиваться в деньги? Потому, - отвечает, - что человек как существо общительное неизбежно должно прийти к обмену, а обмен - при наличии частной собственности как своей предпосылки - неизбежно должен привести к стоимости [9, с.19]. Необходимость развития частной собственности в деньги Маркс связывает с сущностью человека, общительность - это та же общественная связь, то же отношение, без которого человек не существует как человек. Производя продукт в форме, скажем, материальной вещи, он имеет его в своей собственности, распоряжается им по своему усмотрению. Для осуществления обмена продуктов необходимо возникает потребность в мере, унифицирующей продукты, а вслед за этим - и сами связи. Но в акте обмена сопоставляются произведенные продукты, а если отвлечься от их конкретной формы, то обмен есть по сути дела отношение частной собственности к частной же собственности. Это - не действительно-эмпирическое выражение содержания обмена, а его сущностно-абстрактная характеристика: обмен есть абстракция отношения частной собственности к частной собственности и "это абстрактное отношение есть стоимость" [9, с.19]. В процессе обмена вещь утрачивает значение личной собственности, поскольку люди отчуждают вещи от себя. "Общественное отношение частной собственности к частной собственности является уже таким отношением, в котором частная собственность отчуждена от самой себя" [9, с.19]. Результатом этого отчуждения оказывается обретение этим отношением самостоятельного существования в форме денег. Деньги - это отчуждение частной собственности, отрыв "от ее специфической, личной природы" и тем самым приобретение власти над самой собственностью, над личным ее воплощением, над человеческим бытием.

Маркс пишет, что политическая экономия, равно как и действительное движение, исходит из отношения человека к человеку как отношения частного собственника к частному собственнику [9, с.24]. Человек здесь предполагается в качестве частного собственника. Что это, собственно, означает и как здесь предстает человеческая сущность?

Человек как частный собственник есть владелец некоторого продукта, точнее, вполне определенного продукта, отличного от других продуктов. Владая им, он утверждает свое соб-

ственное бытие как личности, отличной от других индивидов. Частная собственность, пишет Маркс, есть личное, отличающее и существенное бытие данного индивида. Утрата собственности означает вместе с этим отчуждение и человека и самой этой частной собственности. Тут, однако, возможны два смысла. Поскольку частная собственность есть характеристика личных достоинств индивида, постольку, когда он отчуждает ее просто по отношению к себе, то она оказывается отчужденной вещью вообще, выпадающей из-под личного отношения к ней данного индивида - она возвращается во власть стихийных сил природы. Отчуждение вещи возможно как простое ее отбрасывание, таков первый смысл отчуждения. Но индивид может отказаться от своей частной собственности не вообще, а в пользу другого индивида. В этом случае она перестает быть собственностью первого, выходит из-под его власти и становится отчужденной частной собственностью. "Отчужденной *частной собственностью* вещь становится лишь тогда, когда она перестает быть *моей* частной собственностью, не переставая от этого быть вообще *частной собственностью*, то есть... когда она становится частной собственностью какого-нибудь *другого* человека" [9, с.25]. Таков второй смысл. Почему, - задает вопрос Маркс, - индивид вынужден отчуждать свою частную собственность другому индивиду? Политэкономия, замечает он, отвечает: в силу *нужды*, в силу *потребности*. Другой человек тоже есть частный собственник, владеющий другой вещью, в которой нуждается первый и которая представляется предметом уже его потребности, необходимым для совершенствования его бытия и осуществления его сущности.

Итак, один человек владеет вещью № 1, она есть его частная собственность. Другой владеет вещью № 2, являющейся его частной собственностью. Каждый из них нуждается в вещи другого, нуждается уже хотя бы для того, чтобы обеспечить свое собственное существование. Специфическая природа вещи вызывает у индивида желание обладать ею. Эта же природа и заставляет двух индивидов соотноситься друг с другом, осуществить обмен, вступив тем самым в отношение друг с другом.

Суть частной собственности оказывается двойственной: с одной стороны, она отделяет одного индивида от другого; но, с другой, она связывает их друг с другом. Отделяет, поскольку моя частная собственность - это мое владение, моя сила и мое достоинство. Однако я для собственного же бытия нуждаюсь в предметах, которые являются частной собственностью другого, а потому частная собственность, отделяя, ограничивая сферу моего бытия, именно через это ограничение необходимо связывает, соотносит меня с другим индивидом, то есть она выводит за пределы своей собственной сферы. Чем сильнее развита частная собственность, чем больше ее размеры, тем ощутимее изоляция индивидов. Но тем большую потребность они испытывают по отношению к продукту частной собственности другого. И возникающая здесь связь частных собственников оказывается сильнее изолирующего воздействия частной собственности. При этом обнаруживается одно весьма любопытное обстоятельство: страсть обладания предметом собственности другого заставляет данного индивида осознать, что "кроме частнособственнического отношения к предметам, он находится еще и в другом *существенном* отношении к ним, что он есть не то обособленное существо, за которое он себя принимает, а *тотальное* существо, потребности которого находятся в отношении внутренней собственности также и к продуктам труда другого человека..." [9, с.25]. Оба собственника "вынуждены отказываться от своей частной собственности, но отказываться так, что они одновременно утверждают частную собственность..." [9, с.26]. Итак, частная собственность есть нечто такое, что обособляет индивидов, утверждает их собственное Я. Но это есть и нечто такое, что, обособляя, связывает, а, связывая, разделяет. Ее парадоксальная сущность объясняется наличием в ней разных уровней, слоев ее собственной бытийности. Что это такое?

Не вызывает особых затруднений понимание частной собственности как того, что обособляет индивидов. Эта ее особенность вполне эмпирически осязаема. Попробуйте, к примеру, без согласия владельца вторгнуться в его дом - вы рискуете получить решительный отпор, вплоть до выстрела. Моя частная собственность есть граница моего бытия. Но вот когда я отчуждаю свою частную собственность в пользу другого, то она не перестает быть частной собственностью

вообще, она перестает принадлежать лишь мне. Поэтому оказывается, что мое отношение к предметам, составляющим мою частную собственность, имеет такую же природу, как и отношение другого индивида к предметам, составляющим его частную собственность. Иначе говоря, это отношение одного и того же типа, это есть одно и то же отношение, у которого, правда, разные агенты. И когда я отчуждаю в пользу другого свою частную собственность, которая становится частной собственностью другого индивида, то это становится возможным именно по причине однозначности, даже тождественности самих отношений. Отношение другого индивида к моей частной собственности - это то же самое отношение, отношение той же самой природы, что и мое отношение к моей частной собственности. Вообще говоря, это отношение универсально, оно есть всеобщее отношение частной собственности, в которое включены многие, в пределе - все индивиды. И то обстоятельство, что в данном обществе найдутся индивиды, лишенные частной собственности, никак сказанного не отменяет: они тоже включены в частно-собственнические отношения хотя бы как потенциальные собственники (какой чистильщик сапог не мечтает стать миллионером!). Всякий индивид есть не только обособленное, но и тотальное, всеобщее и универсальное существо, для которого частнособственнические (то есть одновременно изолирующие и соединяющие) отношения являются его внутренними отношениями, образующими его сущность, а стало быть, являющиеся его собственностью как родового существа. Весьма многозначительна фраза Маркса о том, что "каждый отчуждает часть своей собственности другом" [9, с.26] Это, с одной стороны, можно понять так: каждый вынужден делиться своей собственностью с другими людьми, чтобы иметь возможность существовать. С другой же, во всем этом заключен и более глубокий смысл. Дело в том, что однотипность, тождественность отношений частной собственности делает в своей основе всех индивидов социально равными, тождественными, неразличимыми. Их общественная сущность совершенно одинакова в силу их тотальности. И, тем не менее, все они не просто различны, но и совершенно неравноправны, неравны из-за различий их частной собственности. Тем самым частная собственность становится источником и причиной деформации, извращения самой человеческой природы, она ее начинает разрушать в процессе отчуждения самой частной собственности. *Общественная* связь частных собственников оказывается *взаимным отчуждением* частной собственности, отчуждением с обеих сторон [9, с.26].

Поскольку рано или поздно каждый частный собственник осознает себя как тотальное существо, равное любому другому индивиду, постольку для осуществления своей собственной сущности ему приходится отказываться от части своей собственности, отчуждать ее в пользу других. Но при этом он не намерен отказываться от частной собственности вообще. Возникает не только всеобщая связь индивидов, но и тотальное отчуждение, приобретающее власть над каждым из них. Оно пронизывает индивидов, общество, оно же извращает и саму частную собственность, которая вследствие этого становится отчужденной частной собственностью. Это означает, что она перестает быть продуктом владельца, исключительным выражением его личности, поскольку он ее отчуждает, и приобретает личное значение для того, чьим продуктом она непосредственно не является [9, с.261]. Иными словами, моя частная собственность, пока она еще не отчуждена от меня, есть выражение моего собственного бытия. Но как только она становится отчужденной частной собственностью, она оказывается во власти другого, поступает в его владение. Став достоянием другого, моя частная собственность, отчуждаясь от меня и прекращая выражать мое личное бытие, становится выражением личного бытия другого как его собственность, хотя она и не произведена им. Мое личное бытие отчуждается от меня и становится личным достоянием другого, хотя я этого и не предполагаю и, возможно, не желаю. Отчужденная частная собственность "раслаивает" меня помимо моей воли и моего намерения. Но она же вследствие этого приравнивает меня к другому, делает это через приравнивание одной частной собственности к другой. Только при этом условии возможно замещение одной частной собственности на другую, в результате чего стираются всякие различия между нашими личными достоинствами. В итоге получается следующая картина.

Частная собственность на один предмет в процессе обмена приравнивается к частной собственности на другой предмет, Когда обмен произведен, это значит, что частная собственность на один предмет замещает собой частную собственность на другой предмет, а эта, вторая, становится на место первой. Обмен - это процесс замещения, перемены мест обмениваемых предметов, обусловленный их (предметов) специфической природой. Возникает отношение предметов, отношение частных собственности и частных собственников, в результате которого сопоставляются личное бытие, личные качества, способности индивидов. Они обмениваются своей собственной сущностью, которая выступает по отношению к каждому из них в отчужденной форме.

В процессе обмена продукт данной частной собственности замещается на продукт другой частной собственности "как *нечто* равное некоторому *другому* предмету" [9, с.26], так что "обе стороны соотносятся друг с другом таким образом, что каждая из них представляет бытие *другой* и обе взаимно относятся друг к другу как *заместители* самих себя и своего инобытия. Бытие частной собственности как таковой стало поэтому ее бытием в качестве *заместителя, эквивалента*. Вместо непосредственного единства ее с самой собою она теперь выступает лишь как отношение к некоему *другому*. Ее бытие в качестве *эквивалента* уже не есть такое ее бытие, которое составляет ее своеобразие. Она становится поэтому *стоимостью* и непосредственно *менной стоимостью*. Ее бытие в качестве *стоимости* есть такое определение... *ее самой*, которое отличается от ее непосредственного бытия и является внешним для ее специфической сущности..." [9, с.26-27]. Данная цитата содержит в себе важный момент, касающийся понимания сущности человека. Он состоит в том, что приравненные в процессе обмена предметы частной собственности и замещающие друг друга выступают *представителями* частной собственности на другой предмет и в этом процессе они обретают способность замещать самих себя. Это значит, что обмен становится всеобщим обменом, где любой предмет частной собственности потенциально приравнен к предмету другой частной собственности, он способен заместить его, попросту говоря, обменяться на него. В этой всеобъемлющей стихии тотального заместительства и представительства всякий продукт выступает как эквивалент другого продукта. Быть эквивалентом для предмета частной собственности значит просто вступать в отношение к любому другому предмету безотносительно к его собственной природе, равно как и предмета, который замещается. Свойство эквивалентности - это некое особое свойство продукта частной собственности, приобретаемое в процессе обмена: продукт становится стоимостью и в качестве стоимости он отличен от собственной специфической природы, от материала, из которого он сделан.

Бытие продукта как вещи и как частной собственности расслаивается, становится двойственным: бытие как натурально-вещественного продукта и бытие как заместителя, эквивалента, обладающего стоимостью. Вместе с этим раздваивается и интерес производителя как производителя продукта и владельца частной собственностью. С одной стороны, труд производителя, если отсутствует частная собственность, является непосредственным источником его существования, осуществлением его индивидуального бытия. Индивид в этом случае наслаждался бы индивидуальным проявлением жизни и испытывал бы радость от созерцания произведенного предмета [9, с.27, 36]. Но при наличии частной собственности и обмена труд становится трудом непосредственно ради заработка, ради дохода, производителю становится безразлично, какую вещь производить - лишь бы она имела стоимость и приносила доход. Личное наслаждение, личное отношение к производству теряет свой смысл. Маркс пишет, что чем разнообразнее становится производство, чем больше разделение труда и, стало быть, чем одностороннее выполняемые производителем работы, тем в большей степени его труд становится трудом ради заработка, наконец, весь труд его оказывается таковым и совершенно *случайным и несущественным* для удовлетворения потребностей самого производителя как личности. И индивид начинает уже жить только для того, чтобы добывать себе *жизненные средства*. Происходит отчуждение человека от своей собственной сущности, а усиливающееся *разделение* труда делает из человека абстрактное (одностороннее) существо, превращает его в физического и морального урода [9, с.27-28]. Иными словами, появление эквивалента как меры обмена - это про-

грессивный этап развития общества, цивилизации. Но у него есть и обратная сторона. Эквивалент получает свое воплощение в деньгах, которые становятся а) непосредственным результатом труда ради заработка; индивид, как говорилось, становится безразличным к содержанию своего производства; б) посредником обмена. Деньги безразличны как к природе материала, из которого производится предмет частной собственности, так и к личности частного собственника. Они приобретают господство над первым и вторым, в них "обнаруживается всеобъемлющее господство отчужденной вещи *над* человеком" [9, с.28].

Труд, который, по Марксу, является вечным и естественным условием человеческой жизни, есть деятельное осуществление своего бытия человеком. Вне этого человек не может ни удовлетворить свои потребности, ни развить свои способности. В условиях буржуазного общества труд выступает в такой форме, что осуществление индивидом своего бытия становится совершенно безразличным по отношению к его потребностям, способностям, духовным качествам. Он трудится не ради развития способностей и производит не ради удовлетворения своих потребностей. Он производит для обмена, он вынужден обеспечивать свое непосредственное бытие, зарабатывать на жизнь. Свои человеческие, родовые качества он производит в извращенной форме, поскольку цель труда как удовлетворения потребностей, как наслаждения жизнью в личном бытии не согласуется с действительным содержанием труда. В этих условиях производства ради обмена обнаруживаются противоречия как самого производства, так и родового бытия человека, которые не присущи этому бытию изначально. С одной стороны, развитие производства, его многообразие способствуют увеличению богатства индивидов, их способностей. С другой же, в условиях отчужденного труда производство становится однобоким, сводящим способности индивида, его цели к одному единственному: к выполнению этой обязательной и отчужденной работы, безразличной для самого индивида. Труд ради заработка, констатирует Маркс, разрушает самого человека. И все это благодаря обмену как процессу отчуждения частной собственности; существованию самой частной собственности и - как следствие этого - появлению эквивалента, меновой стоимости. Результатом этого отчуждения становится отделение производства от потребления, индивидов друг от друга, отделение труда от самого предмета, раскол индивида, пролегающий внутри него и проявляющийся как отделение сущности человека, то есть его общественной связи от него самого.

Простейшая модель общества. Прежде чем продолжить анализ природы человека, сделаем одно методологическое отступление. Маркс в своих работах неоднократно подчеркивал, что он стремится исследовать общество примерно так же, как естествоиспытатель изучает явления природы, то есть объективно, с целью открытия объективных законов. Законы общественного развития, по глубокому убеждению Маркса, должны носить объективный, то есть от воли и сознания, от намерений людей не зависящий характер.

Важнейшей особенностью исследования природы, в частности, в физике является построение так называемых абстрактных и идеализированных моделей протекающих процессов, Скажем, в механике при изучении законов движения тел отвлекаются от размеров последних, принимая их за материальные точки, пренебрегают трением, вводят понятие идеально гладкой поверхности. В молекулярной физике поведение реальных газов изучают на модели идеального газа. Эйнштейн в специальной теории относительности использует абстракцию абсолютно упругого стержня. В оптике рассматривают модель абсолютно черного тела, то есть такого объекта, который способен поглощать излучения, совершенно не отражая ничего. Примеров такого рода абстрактных моделей и идеальных конструкций можно было бы привести множество. Но не в их количестве суть. Эти модели примечательны тем, что в самой природе они не существуют. Наука в этом смысле совершенно парадоксальна: она создает и изучает такие объекты, которые в действительности не встречаются. Но делает она это исключительно ради того, чтобы на этих объектах исследовать законы природы в чистом виде, отбросив случайные, побочные, мешающие анализу факторы и влияния. Ни одна наука, если она хочет изучать действительность, не может обойтись без создания абстрактных моделей.

Существует такая наука, которая специально занимается исследованием не существующих в действительности идеальных объектов. Это - математика. Уже в арифметике при изучении натуральных чисел возникает интересная ситуация: число, оказывается, есть принципиально ненаблюдаемый объект. Мы можем увидеть одного *слона*, подарить две *книги*, купить три *апельсина*, *искупаться* в жаркий день четыре раза. Но мы никогда не увидим *одного, двух, трех, четырех* и т.д. Число не есть что-либо вещественное, оно не является ни объективным, ни субъективным. Оно, как показал А.Ф. Лосев, относится к чисто смысловой сфере и есть такой смысл вещей, который не касается их содержания [5].

Для изучения общества и человека Маркс тоже обращается к различным абстракциям, разумеется, упрощающим реальные общественные процессы, но позволяющим разобраться в их сути. Попутно заметим, что критики Маркса не раз обрушивались на него за то, что он, якобы, описывает такие ситуации, которых нет в обществе. Например, он раскрывает тайну прибавочной стоимости, а вместе с этим и тайну эксплуатации, анализируя ситуацию отношения рабочего и капиталиста как двух субъектов - это идеальный рабочий и идеальный буржуа, которых он специально придумал, чтобы разобраться в проблеме. Разумеется, действительность всегда сложнее и богаче любых о ней представлений. Но без разложения ее на абстракции и идеальные модели ни один мыслитель разобраться в ней просто не способен. Это - такая же банальная истина, как и та, что для дыхания нам необходим воздух. Попробуйте лишить человека возможности дышать - незамедлительно наступит смерть. Так и с научным исследованием. Поэтому критика в адрес Маркса по поводу изобретения им разных моделей оказывается несостоятельной, хотя это не значит, что кроме тех моделей, что были придуманы Марксом, невозможно больше ничего предложить. На то и исследование, чтобы искать истину.

Теперь напомним слова Маркса о том, что "*человеческая сущность является истинной общественной связью людей*". Напомним также, что отношение (связь) есть то, что одновременно присуще двум или нескольким объектам, между которыми имеется это самое отношение. Отношение (связь) есть некое взаимодействие, "заполняющее" собой пространство между объектами и "стягивающее" эти объекты в единое целое, такое целое, что объекты оказываются до определенного момента неотличимыми друг от друга. Это отношение, распространенное на всех людей, стягивающее их в единое целое, и есть общество, в котором живут сами люди. Точнее говоря, оно образует субстанцию общества, его первооснову, без которой и вне которой существование общества попросту невозможно. Сущность общества совпадает с характером (типом) субстанции - отношения. И поскольку отношения связывают индивидов, то, вообще говоря, сущность общества и сущность человека совпадают. Это, по сути дела, одно и то же. Такова главная мысль Маркса. Следовательно, для данного, скажем, буржуазного общества характерны одни отношения индивидов, основанные на частной собственности. У всех членов данного общества сущность одна на всех, но, разумеется, проявляется она у каждого по-разному в зависимости от многих факторов. У богатого - этак, у бедного - иначе. Сменяется тип общества, сменяется характер связи индивидов - вслед за этим и вместе с этим меняется и человеческая сущность, остающаяся, тем не менее, одной на всех в новых условиях. В этом смысле нередко говорят, что Марксу принадлежит заслуга открытия историзма, то есть изменения и развития человеческой природы в противовес его предшественникам-философам, в частности, Фейербаху, которые считали, что природа человека неизменна. Здесь мы не будем уточнять, что в данном открытии действительно принадлежит Марксу, а что было известно и до него. Для нас гораздо более интересным является следующее.

Философы довольно ожесточенно спорят о природе самого отношения. Мы уже говорили, что отношение есть то, что присуще одновременно нескольким объектам. Если два одноименно заряженных тела отталкиваются, а разноименные притягиваются, то между ними возникает электростатическое взаимодействие, описываемое законом Кулона. Само отношение невидимо, о нем можно судить по перемещениям заряженных тел. Какова его природа? В физике элементарных частиц говорится, что взаимодействующие частицы обмениваются квантами энергии, что существуют переносчики взаимодействия - особые частицы. В этой связи говорят также

о материальности отношения. Иногда можно встретить утверждения о том, что отношение по своей природе идеально. Каким бы ни было по своей природе отношение, важно одно: оно так или иначе, проявляется в действительности, объективируется, принимает вещественно-осязаемую форму. Человеческую мысль увидеть нельзя. Но ее содержание может быть воплощено в какой-либо объект, в книгу, в музыку, во что-либо другое. Все это становится доступным восприятию. Так что отношения между людьми, какой бы они природы ни были, есть взаимодействия, обмен и все это непременно воплощается в произведенных продуктах, товарах, в конечном счете, в созидании человеком мира своего бытия, общества.

Если нет объектов, между которыми возникает отношение, то в этом случае нет и самого отношения. В обществе в отношения вступают люди как индивиды. Нет индивидов - нет и отношений. Если, наоборот, нет отношений, то нет потребности и в индивидах. Тут связь двойная; индивиды и отношения взаимно предполагают друг друга и друг без друга невозможны. Однако это надо правильно понять. Дело в том, что между ними существует не только взаимно поддерживаемая связь, но и вполне реальные и ощутимые противоречия. Эти противоречия обнаруживаются в довольно часто обсуждаемой проблеме соотношения людей и обстоятельств: является ли человек распорядителем обстоятельств, с которыми он сталкивается, или же обстоятельства управляют людьми? Сама по себе эта проблема оказывается неразрешимой и в чем-то искусственно надуманной, если не учесть одного: в обществе отношения между людьми могут принимать, а в буржуазном необходимо принимают отчужденную форму, то есть они отделяются от людей и начинают господствовать над ними. Чтобы повлиять на ход событий, надо хотя бы частично сконцентрировать в своих руках эти отчужденные отношения, что достигается при концентрации власти у определенных людей. Сосредоточение власти в то же время позволяет говорить о подчинении себе обстоятельств в весьма ограниченных пределах, хотя человек, сосредоточивший в своих руках власть, легко впадает в иллюзию всемогущества.

Можно попытаться, что и мечтал осуществить Маркс, ликвидировать сам источник отчуждения, разъедающий человеческую сущность - частную собственность, а вместе с ним и буржуазное общество. Но попытка, предпринятая в России большевиками во главе с В. И. Лениным, опиравшимися на теорию Маркса, как известно, не принесла желаемого успеха, и через 70 с небольшим лет СССР распался. Не устояли и другие страны, пытавшиеся строить социализм. Значит ли это, что Маркс ошибался и социализм, а затем и коммунизм являются лишь утопией, неосуществимой на земле? На это что-либо определенно априори сказать трудно, вопрос остается открытым, не исключено, что попытки будут повторяться в разных формах, причем совсем не обязательно это будет социалистическая революция и что-то похожее на советский вариант. Повторяем, вопрос открыт...

Мы лишь отметим, что изменение отношений предполагает изменение и самих членов отношения, то есть в нашем случае - индивидов. Изменяются отношения - изменяются и индивиды. И наоборот, изменение индивидов влечет за собой изменение отношений между ними. Вообще говоря, этот обоюдный процесс идет постоянно и незаметно, эволюционно. Вся сложность этой цепочки связей в том, что процесс изменения индивидов и отношений является внутренним, содержащимся в самом обществе. Необходимость этих изменений должна быть осознана индивидами, а для этого надо хотя бы мысленно выйти из-под их власти. Сделать это можно усилием теоретического анализа, через исследование идущих в обществе процессов, посредством моделирования их с помощью абстракций и, разумеется, на основе четко сформулированных целей. Подчеркнем, что взаимные изменения индивидов и отношений происходят как эволюционно, так, при определенных условиях, и скачкообразно, что не может не фиксироваться самими индивидами. Изменения, произошедшие в жизни России за последние 10 лет, невозможно не заметить уже на уровне обыденного рассудка (об этом "кричат" зарплата, занятость, цены, доступность услуг и товаров и пр.), но чтобы осмыслить их, нужна соответствующая теория, которой пока, увы, нет... А потому не очень-то ясно, что делать, куда идти, как строить новую жизнь.

Итак, индивиды, без обращения к которым анализ человеческой сущности будет неполным, поскольку о человеческой сущности, игнорируя человека, говорить было бы весьма странным. Маркс специально подчеркивает: "Первая предпосылка всякой человеческой истории - это, конечно, существование живых человеческих индивидов" [11, с.8]. Однако можно ли что-либо понять в общественных явлениях, если попытаться охватить и учесть сразу всю массу индивидов? Не только нельзя, но даже и бесполезно это делать, ибо учесть действия всех людей, хотя бы живущих на земле в данный момент - дело безнадежное и бесперспективное. Впрочем, можно без этого обойтись. Как, скажем, физики изучают поведение реального газа? Разве они маркируют каждую молекулу? Нет. Они накладывают ограничения: газ должен быть одноатомным; молекулы такого газа не должны иметь размеров; атомы идеального газа не взаимодействуют между собой, они совершенно свободны.

Попробуем порассуждать аналогично. Во-первых, ясно, что все жившие и живущие на земле человеческие индивиды а) каким-то образом взаимодействовали (хотя бы локально) друг с другом и б) тем самым образовали человеческое общество. Разумеется, сейчас мы отвлекаемся от специфических цивилизационных, региональных, национальных, этнических, культурных и прочих различий. Для нас важна именно масса человеческих индивидов в их отношениях друг к другу - это и называется обществом.

Является ли наше предположение абстракцией? Разумеется, но это приемлемая абстракция, позволяющая хотя бы интуитивно отделить человеческое общество от всего того, что таковым не является. Зададимся теперь вопросом: допустим, мы будем уменьшать (хотя бы мысленно) массу (количество) индивидов - до каких пределов это возможно делать, чтобы общество не исчезло? Иначе говоря, нельзя ли найти такое минимальное образование, которое сохраняло бы в себе все черты общества? Этот вопрос довольно интересен, он обсуждался разными философами и социологами. Так, известный американский социолог П. Сорокин пишет: "Самой родовой моделью любого социокультурного феномена является значимое взаимодействие двух или более индивидов" [12, с.191-192]. То есть минимальной моделью, сохраняющей родовые черты общества, является взаимодействие (отношение) двух индивидов. Разве это не абстракция? Самая настоящая, которую критически настроенные люди могут подвергнуть сомнению и даже осмеянию - ну, какое может быть общество из двух индивидов! Что это еще за модель такая, что она может дать для понимания реальной жизни сотен и миллионов людей! Может и весьма много.

Модель общества, состоящего из двух индивидов, использовал в своих работах Гегель [2, с. 314]. Согласно ему, каждый индивид есть субъект, источник активности, есть некое Я. Общество в миниатюре есть совместное бытие двух действующих индивидов, двух Я, признающих за другим право на существование. Что можно извлечь из такой модели? Гегель пишет, что естественное состояние обоих индивидов - это их свободное, безразличное по отношению друг к другу бытие. Во-первых, каждый индивид существует сам по себе и, во-вторых, стремится сохранить это существование. Потому они безразличны друг к другу, возможно, даже относятся к другому настороженно, ибо наличие другого означает потенциальное посягательство на свободу первого. Однако они изолированно существовать не могут хотя бы потому, что каждому из них необходимо обеспечить свою собственную жизнь. Так что свое безразличное отношение друг к другу им приходится снимать и действовать в ориентации на другого. В своих взаимных действиях они вынуждены признать право другого на определенные действия, поступки, ограничить свою собственную свободу. В этом случае каждый индивид перестает быть изолированным, полностью свободным, а самость каждого из них перестает быть достоянием только данного индивида. Взаимодействуя друг с другом, они обмениваются продуктами своего труда, тем, что каждый из них произвел. Так возникает их общественная связь, их человеческая сущность. Ее анализу были посвящены предыдущие разделы данной главы. Теперь же настал момент обратиться к самим индивидам, участвующим в осуществлении своего родового бытия, стало быть, своей сущности. Именно этим и занят Маркс, завершая конспектирование книги Дж. Милля "Основы политической экономии".

Обмен глазами индивидов. Элементарная абстрактная модель общества - это взаимодействие двух равноправных индивидов, субъектов, личностей, то есть двух Я. Общество - это отношение между Я и Я, или "Я-Я"-отношение. По отношению к первому Я другое Я есть Ты. Потому общество, вообще говоря, есть отношение между Я и Ты, отношение вида "Я-Ты". Сложность понимания данного отношения состоит в том, что, во-первых, каждое Я по отношению к самому себе есть именно Я, субъект, а по отношению к другому Я оно есть Ты. Таким образом, каждый индивид есть одновременно и субъект и объект, одновременно Я и Ты в одном лице. Потому отношение "Я-Ты" двойственно изначально, оно включает по два отношения со стороны каждого его члена: отношение Я к себе и отношение Я к другому. Каждый индивид видит, осознает и оценивает как самого себя, так и другого. И его реальная позиция возникает на основе суммирования самооценки и оценки другого, причем в любой момент они могут перекомбинироваться, а то и вовсе разойтись. Во-вторых, общество, даже представленное простейшей моделью, есть нечто иное, чем просто два сосуществующих индивида и чем просто отношение между ними. Оно есть целое, вбирающее в себя в качестве частей как индивидов, так и взаимодействия. Целое есть некое единство, которое выше каждой своей части по отдельности, но оно же выше и суммы своих взаимодействующих частей. Именно целое придает смысл существованию индивидов и их отношению. Это более высокое, чем Я и Ты, чем отношение между Я и Ты есть "мы". С.Л. Франк пишет: ""Мы" есть лоно, из которого произрастает и в котором утверждено всякое отношение между "я" и "ты" [13, с. 17]. "Мы" как объединяет в целое его составные части, так и сохраняет особенности и самостоятельность каждой части, то есть Я и Ты. Это значит, что в процессе взаимодействий Я и Ты не нивелируются, не отождествляются, не растворяются друг в друге, и все происходящее не становится для них безразличным. Они сохраняют свое индивидуальное лицо, свой собственный интерес, свою позицию. А потому и обмен, который они совершают внутри общества как целого, представляется им по-разному. Обмен с позиции данного Я совсем не то, что с позиции Ты. Обмен в твоих глазах выглядит иначе, нежели в моих. Вот именно это обстоятельство и привлекает внимание Маркса, причем он выделяет две позиции для анализа: производство и обмен при наличии частной собственности и без нее.

Основная посылка частной собственности, подчеркивает Маркс, заключается в следующем: человек *производит* только ради того, чтобы иметь. Цель производства - *обладание*" [9, с.32]. Но он сразу констатирует, что производство само по себе не имеет такой утилитарной цели. Отсюда возникают два исходных положения: производство вне частной собственности и производство в условиях частной собственности, которые имеют разные цели, у них разные предназначения.

Когда нет частной собственности, человек, утверждает Маркс, производит лишь для того, чтобы иметь для себя. Предмет его производства в этом случае есть опредмечивание его *непосредственной*, *своекорыстной потребности*. Человек, когда нет частной собственности, имеет в чем-то непосредственную потребность и производит предмет для ее удовлетворения. В диком, варварском, первоначальном состоянии, пишет Маркс, человек имеет меру своего производства "в *объеме* той своей непосредственной потребности, содержанием которой *непосредственно* является сам производимый им предмет" [9, с.32]. В этом состоянии человек производит не больше того, в чем он непосредственно нуждается. "*Граница его потребности* есть и *граница его производства*. Спрос и предложение поэтому в точности покрывают друг друга. Его производство измеряется его потребностью. В этом случае обмен не имеет места, или он сводится к обмену своего труда на продукт своего труда, и этот обмен есть скрытая форма (зародыш) действительно-го обмена" [9, с.32]. Производство ради удовлетворения потребности ограничивается объемом этой потребности, а потому обмена еще нет, стало быть, нет и той общественной связи, которая начинает определять собой сущность человека при частной собственности.

В условиях частной собственности обмен имеет место. Это - факт, имеющий эмпирическую фиксацию. Это значит, что продукт производится сверх меры, которая установлена непосредственной потребностью. Продукта производится больше, чем в нем есть нужда. Возникает избыточное производство. Ради чего? Да ради того, что у меня возникает потребность не

только в том, продукте, который произвожу я, но и в продукте, производимом тобой. Мое избыточное производство есть средство для удовлетворения моей же потребности в продукте другого производителя. Производство становится источником дохода. И если в первом случае мерой производства является *объем* потребности (я произвожу столько, сколько нуждаюсь), то во втором случае мерой производства становится *обладание* продуктом (мне нужно столько, сколько я могу освоить). Мера обладания продуктом в этом случае уже работает на удовлетворение потребности, причем я могу обладать им и сверх того, что мне нужно, но тогда и моя потребность неограниченно разрастается.

Маркс исходит из допущения, что сначала существуют независимые индивиды. При этом я производил для себя, а не для тебя. И ты тоже производил для самого себя. Мой продукт к тебе не имеет никакого непосредственного отношения, равно как твой продукт - ко мне. В этих условиях наше (обособленное) производство еще не есть производство общественное, ни один из нас не может потреблять продукт другого. "Каждый из нас видит в своем продукте лишь свою *собственную* опредмеченную корысть и, следовательно, в продукте другого - *иную*, независимую от него, чуждую опредмеченную корысть" [9, с.33]. Пока мы еще разделены. Каким же образом завязывается общественная связь?

Потребность предметна - я нуждаюсь в каком-либо предмете. Я могу, к примеру, нуждаться в предмете, который производишь ты. Моя потребность опредмечивается в ходе твоего производства, а потому она выходит за рамки непосредственного производства одного человека, побуждая вступать в отношения с другим человеком. Аналогично, и у тебя может возникнуть потребность в моем предмете, который является предметом твоего желания, твоего стремления обрести его.

Но пока твоя потребность, твое желание и твоя воля в отношении моего продукта бессильны; твоя человеческая сущность еще не является твоей властью над моей собственной продукцией. В то же время твоя потребность, твое желание и твоя воля становятся таким *связующим началом*, которое делает тебя зависимым от меня, они ставят тебя в зависимость от моего продукта. Они оказываются, таким образом, тем *средством*, которое дает мне власть над тобой [9, с.33]. Потребность, воля, желание - твои; это для тебя мой предмет становится предметом потребности, желания, устремления. Через это ты оказываешься связанным со мной, и не просто связанным, но еще и зависимым от моего продукта. Так что твои потребность, воля и желание дают мне власть над тобой, они становятся средством моей власти,

И когда, говорит Маркс, я произвожу сверх своей непосредственной потребности, я произвожу сверхпродукцию, которая уже есть не мой собственный и непосредственный продукт, а другой, иной продукт, чуждый мне, ибо я думаю обменять его, этот излишек, специально рассчитанный на тебя, на твою потребность и желание. Фактически, в производстве сверхпродукта произошло раздвоение производства - для себя и для тебя. И это в самом эмпирическом бытии вполне понятно, но суть дела гораздо глубже, и Маркс выявляет встающую здесь проблему.

Мой излишек есть побудительная сила, заставляющая тебя тоже производить излишек собственного продукта для обмена. Таким образом, *излишек* играет как бы роль *катализатора* для производства: он обменивается на другой продукт, а потому вызывает к жизни его производство и обмен. Но ради чего все это совершается? Маркс замечает, что и общественное отношение, мой труд для твоей потребности, и наше взаимное дополнение друг друга - все это *видимость*, в основе которой лежит взаимный грабеж. Подоплекой возникшего между мной и тобой отношения обмена, связанного с взаимным производством излишков, которым владеет каждый из нас, "с необходимостью оказывается намерение ограбить, обмануть; в самом деле, так как наш обмен своекорыстен как с моей, так и с твоей стороны и так как каждая корысть стремится превзойти корысть другого человека, то мы неизбежно стремимся обмануть друг друга" [9, с.34]. Взаимно признавая власть наших предметов, мы вступаем в борьбу, где побеждает тот, кто более силен, ловок или прозорлив. Если достаточна физическая сила, то я тебя просто граблю. Если - нет, то мы "взаимно стараемся пустить друг другу пыль в глаза, и более ловкий надувает менее ловкого. Кто кого - это для отношения в *целом* случайность" [9, с.34]. Суть обмена в условиях частной собственности - обман другого с целью обладания продуктом другого, такова мысль Маркса.

Обмен, пишет Маркс, с обеих сторон необходимо *опосредуется* предметом производства и владения каждого из лиц, участвующих в обмене. Это и понятно. Я произвел продукт - и он мой. Ты испытываешь в нем потребность. Потому обмен носит предметный характер, имеет предметное содержание. Обмен - это обмен предметами, которые мы обоюдно произвели. Предмет - вот то, что придает своеобразие нашим отношениям и без чего характер отношения между нами утрачивает свою определенность. Не случайно Маркс замечает: "Единственно понятный язык, на котором мы говорим друг с другом - это наши предметы в их отношениях друг к другу" [9, с.35]. Здесь, таким образом, возникают два плана отношения, два слоя самой реальности: на первом, видимом плане - отношение предметов, которыми мы обмениваемся; на втором - отношения производителей как субъектов, как личностей, производящих предметы. На первом плане - обмен желаемыми продуктами; на втором - стремление к взаимному грабежу.

Обмен - это стремление овладеть предметом другого, причем, когда я овладеваю твоим предметом, это означает, что из сферы владения ты уже исключаяешься. Обмен - это взаимное исключение (вытеснение) другого из сферы владения определенным товаром. Если я владею твоим продуктом, то на него уже твоя власть не распространяется. Если я хочу овладеть твоим продуктом, то единственное, на что я обращаю внимание, так это наличие у тебя предмета, достойного моего, являющегося эквивалентом моего продукта. "Продукт каждого из нас есть, следовательно, *средство, опосредствование, орудие, признанная власть* потребностей каждого из нас друг над другом. Твой *спрос и находящийся в твоём владении эквивалент* - это, стало быть, *равнозначные*, тождественные для меня термины, и твой спрос имеет действенный характер, а потому и смысл лишь в том случае, если он имеет смысл и действенный характер по отношению ко мне" [9, с.34]. Каждый из нас владеет предметом и у каждого из нас есть потребность в предмете другого. Но эта потребность обретает свой смысл только в том случае, если у каждого из нас есть предмет, имеющий стоимость, значение, достоинство для другого, и представляющий эквивалент моего предмета. И если у тебя нет предмета для обмена, то ты для меня не представляешь никакой ценности, не обладаешь никаким достоинством. Мы, владея предметом, обладаем и средством для установления власти над потребностью другого. А потому наш продукт, пишет Маркс, есть *сила*, дающая каждому власть над другим и господствующая над самим предметом. И хотя он кажется нашей собственностью, на самом деле его собственностью становимся мы, поскольку наша *собственность* исключает другого человека [9, с.35]. Наш собственный предмет поработил нас, потому язык предметов и стал тем единственным языком, который понятен для нас. Вот эта метаморфоза как раз и обнажает античеловеческую, антигуманную сущность частной собственности и основанных на ней отношений.

В довольно кратком, но весьма емком по содержанию рассуждении Маркс вскрывает богатейшую гамму отношений субъектов производства, показывает, чем и как предметы предстают в глазах производителей и как сами производители представляются в глазах друг друга, как они воспринимают сами себя. Значимость этого рассуждения и в том, что Маркс показывает, как и почему вслед за этим представлением происходит действительное превращение субъектов в те состояния, которые заданы их представлениями. Воспроизведем данное рассуждение.

В твоих глазах, пишет Маркс, твой предмет является *орудием и средством* для овладения моим продуктом, стало быть, и для удовлетворения твоей потребности. В моих же глазах этот предмет есть *цель* нашего обмена. Таким образом, к продукту, произведенному тобой, у нас разное отношение, в нем видится нам и разный его смысл: ты видишь в *твоем* продукте *орудие и средство* для обмена на мой продукт; я вижу в *твоем* продукте *цель* обмена на мой продукт. Ситуация оказывается точно такой же, если мы переменим точку зрения: мой продукт в моих глазах есть орудие и средство обмена на твой продукт, тогда как ты видишь в моем продукте цель обмена. То есть наше отношение к продукту каждого из нас взаимнообратно и симметрично. Сам обмен предстает как отношение продуктов - твоего и моего.

Внешне перед нами довольно простая и прозрачная ситуация, представляющая акт передачи части продукта другому. Но за фасадом этого акта скрываются два производителя, воспринимающие сам процесс и его результат весьма различно.

Твоя позиция в обмене такова. У тебя есть твой продукт. Ты относишься к нему - владеешь им. Ты относишься и к моему продукту - не владеешь им, он не твой. У тебя есть потребность в моем продукте. Чтобы овладеть им, ты меняешь его на свой продукт. Обмен совершается эквивалентно. Ты отказываешься в процессе обмена от твоего продукта. В твоих глазах твой предмет - лишь орудие обмена, средство овладения моим предметом.

Моя позиция в обмене следующая. У меня есть мой продукт. Я к нему отношусь - владею. Я отношусь и к твоему продукту - не владею, он не мой. У меня есть потребность в твоём продукте, я хочу им овладеть. Твой предмет для меня оказывается целью обмена, тогда как мой предмет для меня есть орудие и средство обмена. Обменяв его и достигнув цели - овладею твоим предметом - я успокаиваюсь, обмен себя исчерпал, ибо я стал собственником твоего продукта. И ты утратил для меня всякий интерес. Почему так?

Потому, что в процессе обмена предметами твой предмет становится целью моего удовлетворения, тогда как ты сам оказался всего лишь средством, орудием твоего предмета. Ибо, относясь к твоему предмету, я начинаю относиться к тебе, точно так же как в твоих глазах я сам оказываюсь средством и орудием овладения моим предметом, тогда как мой предмет является твоей целью. Ты превратился в средство и орудие производства твоего предмета ради того, чтобы овладеть моим предметом. Следовательно, ты начинаешь производить твой предмет для меня. И в действительности твой предмет, предназначенный для меня, по отношению к тебе самому как производителю есть, утверждает Маркс, всего лишь *чувственная оболочка, скрытая форма* моего продукта, поскольку твое производство на деле *выражает* стремление *приобрести* мой предмет. Таким образом, мы взаимно поработились продуктом, и это порабощение представляет собой отношение *господства и рабства*. "Наша *взаимная* ценность есть для нас *стоимость* имеющихся у каждого из нас предметов. Следовательно, сам человек у нас представляет для другого человека нечто *лишенное ценности*", - таково заключение Маркса относительно положения индивидов в акте обмена в условиях господства частной собственности [9, с.35].

Производство как свободное осуществление жизни. После этих рассуждений Маркс переходит к анализу процесса обмена и производства вне частной собственности, когда ее нет. "Предположим, что мы производили бы как люди. В таком случае каждый из нас в процессе своего производства двояким образом утверждал бы и самого себя и другого" [9, с.35-36]. При наличии частной собственности мой собственный труд имеет одну цель - обеспечить мою собственную жизнь, добыть средства к жизни. Он является отчужденным трудом, не радостью, а тяжелой обязанностью, бременем. Мой труд, пишет Маркс, в этом случае не есть моя жизнь, он и жизнь разделены, и не просто разделены, но оказываются антагонистами. При отсутствии частной собственности труд является, во-первых, опредмечиванием моей собственной индивидуальности, ее своеобразным выражением. Такой труд становится проявлением моей собственной жизни и приносит наслаждение. Он является трудом не ради заработка, не ради добывания средств к жизни, а становится непосредственным содержанием моей жизни и потому доставляет мне радость и наслаждение, являясь их источником. Труд и жизнь в этом случае уже не антагонисты - они не просто дополняют друг друга и гармонируют, но становятся тождественными, взаимно раскрывающими сущность человека.

При предпосылке частной собственности моя индивидуальность, подчеркивает Маркс, отчуждена от меня настолько, что моя собственная деятельность, мой труд мне ненавистны, они для меня - мука и потому лишь видимость деятельности. Труд для меня в этом случае - вынужденная деятельность, я себя теряю в труде, бессилен как полноценный индивид. При отсутствии же частной собственности мой труд является утверждением моего своеобразия, моей индивидуальности. "Мой труд может проявиться в моем продукте только как то, что он собой представляет. Он не может проявиться как то, чего он по своей сущности собой не представляет" [9, с.37]. В этих двух фразах содержится интересное наблюдение Маркса относительно сущности труда и проявления ее в предмете как результате приложения труда к определенному материалу. Каков по своей природе труд (свободный ли он или же принудительный; труд ради проявления, раскрытия индивидуальности или же труд ради добывания средств к жизни; труд ради доставления

человеку радости, истинного наслаждения или же труд как мука, насилие над моей индивидуальностью), так он и переходит в созданный мною продукт. Труд ради заработка, ради средства к жизни не может проявиться как труд, доставляющий наслаждение, истинную радость. Стало быть, предмет, произведенный на основе отчужденного, ненавистного труда, не может доставлять удовольствие, быть вожеленным, желанным предметом для меня, равно как и для другого. Впрочем, с этими словами можно и не согласиться, приведя простейший контрпример. Можно, к примеру, сказать, что в обществе, основанном на частной собственности, многие произведенные предметы, драгоценности, машины, здания, одним словом, блага цивилизации не просто доставляют радость, но и направлены на то, чтобы облегчить человеку жизнь, принести ему истинное, "райское" наслаждение. Чего стоит одна реклама такого типа продуктов: "Tefal! Ты всегда думаешь о нас!" Каждый из нас может привести массу такого рода примеров. Кажется, что все совершенно прекрасно.

Но есть одно "но". Всем ли эти блага доступны? И не только в России, оказавшейся в кризисе, но и в благополучных цивилизованных странах? Там, где есть частная собственность, имеет место расслоение людей не по их личным качествам, не в связи с их индивидуальностями, которые обретаются на базе расслоения, а по объему самой этой собственности, что неизбежно деформирует человека, отчуждает его от его же собственной человеческой сущности. И то, что часть членов общества способна наслаждаться предметами, произведенными другими индивидами в мучительном труде ради заработка, добывания средств к жизни, для которых эти предметы - продукты стали плодом отчужденного, ненавистного им труда, лишней раз свидетельствует о всеобщем лицемерии, о всеобщей деградации, падении и мерзости, процветающих в таком "благополучном" обществе. Это и есть антигуманное, античеловеческое общество, какими бы лозунгами и предметами массового потребления его действительное бытие ни прикрывалось. Общество, основанное на частной собственности, есть общество тотального разрушения человеческой сущности. Таков вывод Маркса. И производство, в котором заняты индивиды, является лишь зеркалом, отражающим их сущность [9, с.36]. Там, где господствует частная собственность, нет и не может быть царства справедливости и всеобщего благоденствия. Сама природа частной собственности в принципе исключает возможность осуществления справедливости. Не все гладко с этим обстоит и на Западе. Известный канадский философ Марио Бунге пишет: "Если верить средствам массовой информации, то социализм мертв, а капитализм торжествует. Я утверждаю, что оба утверждения ложны. Социализм не умер, ибо он никогда не рождался - разве что на бумаге, а моральное и экономическое здоровье капитализма заставляет желать лучшего: он не выбирается из кризисов, его процветание покоится на эксплуатации..., особенно - на грабеже третьего мира" [1, с.42].

Труд проявляется в предмете, утверждает Маркс, в соответствии с его сущностью. Когда я произвожу в отсутствие частной собственности, то есть не ради заработка, то я в моем производстве опредмечиваю свою собственную индивидуальность и потому могу во время деятельности наслаждаться процессом, проявлением своей собственной жизни. Произведенный предмет в этом случае есть видимое, осязаемое воплощение индивидуальности, радостного труда - он в полной мере доставлял бы удовольствие от его созерцания, поскольку именно в нем я предметно воплотил свои способности. И когда я производил бы предметы для тебя, для другого индивида, то есть выходящие за пределы моей индивидуальной потребности, то в этом случае сам характер твоего отношения к моим предметам был бы другим. Поскольку предмет перешел в твое пользование и потребление, я испытывал бы радость от сознания того, что моим трудом удовлетворена человеческая потребность, что создан предмет, отвечающий потребности другого индивида. Передача предмета, произведенного мною, другому индивиду, пусть бы этот акт и носил наименование обмена, в этом случае представляет не отчуждение, не муку и насилие, не всеобщее утверждение власти предмета над производителями, стало быть, и не взаимный грабеж, а несет моральное удовлетворение каждому индивиду, ибо оба индивида - один в производстве предмета, а другой в его потреблении - утверждали бы свою человеческую сущность, обогащая взаимно свое родовое бытие. Ибо они становились бы совладельцами предмета, если в данном случае вообще правомерно употребить категорию "владение".

Последняя оговорка не случайна. Дело в том, что смысл отношения индивидов вне частной собственности коренным образом изменяется, о чем уже говорилось. Суть дела, однако, сказанным не исчерпывается. Маркс пишет: "Я был бы для тебя посредником между тобою и родом и сознавался бы и воспринимался бы тобою как дополнение твоей собственной сущности, как неотъемлемая часть тебя самого..." [9, с.36]. В условиях частной собственности индивиды отделены друг от друга, стало быть, их человеческая сущность также представляется им отчужденной и разорванной. Сущность человека - общественная связь индивидов, осуществляемая ими в собственной деятельности. Деятельность при предпосылке частной собственности - мука для индивида. Таким образом, сущность его также утверждает себя мучительно, конфликтно, через преодоление барьеров, в борьбе за жизнь.

Но деятельность предметна - это созидание предметов для удовлетворения потребностей. Тем самым опредмечивается индивидуальность, опредмечивается общественная связь - носителями ее становятся произведенные предметы. Опредмечивается, становится опосредствованной и человеческая сущность, причем мерилom достоинства человека, стало быть, и мерилom присвоенной им человеческой сущности является размер его частной собственности, но никак не индивидуально-личные качества. Опредмечивание человеческой сущности - это процесс осуществления индивидами своего деятельного бытия. Когда я в деятельности опредмечиваю свою индивидуальность и непосредственно предоставляю тебе произведенный мною продукт для удовлетворения твоей потребности, то между нами встает не предмет, как моя частная собственность, а моя опредмеченная индивидуальность, так что я становлюсь посредником между тобой и всем человечеством. Мы непосредственно сопоставляемся как индивидуальности, помимо предмета, а это есть отношение а) продолжения одного другим, б) взаимного дополнения и в) обогащения способностями. Каждый из нас в этом случае ощущает себя частью другого. Я и Ты единимся в "мы" как ближайшем интуитивном выражении рода, в нашей общности - бытийной и духовной. Тем самым обнаруживается, что при всех индивидуальных различиях мы обладаем одной сущностью, во взаимной деятельности утверждаем не только каждый сам себя, но и другого. А это и есть истинная связь каждого с каждым как условие, основание и источник развития их индивидуальных способностей. Такое общество уже не деградирует и не разрушает человеческую природу, напротив, оно только и способно осуществляться таким образом, чтобы в полной мере раскрылась его гуманистическая природа.

Литература

1. Бунге М. Холотехнодемократия альтернатива капитализму и социализму // Вопросы философии. 1994. № 6.
2. Гегель. Работы разных лет в двух томах. М., 1970. Т. 1.
3. Гоббс Т. Основ философии. Часть вторая. О человеке // Гоббс Т. Соч. в двух томах. М., 1989. Т. 1.
4. История философии Запад - Россия - Восток. Книга вторая. Философия XV-XIX вв. М., 1996.
5. Лосев А. Ф. Логическая теория числа // Вопросы философии. 1994. № 11.
6. Любутин К. Н. Человек в философском измерении: от Фейербаха к Фромму. Псков, 1994.
7. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1990.
8. Маркс К. Капитал // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.
9. Маркс К. Конспект книги Джемса Милля "Основы политической экономии" // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 42.
10. Маркс К. Тезисы о Фейербахе (Текст 1845 года) // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 42.
11. Маркс К. и Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений // Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения в трех томах. М., 1979. Т. 1.
12. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
13. Франк С. Религиозные основы общественности // Путь. Орган русской религиозной мысли. Кн. 1. М., 1992.
14. Хоружий С. С. Ислам как пространство философии // Вопросы философии. 1995. № 9.
15. Швырев В. С. Рациональность в современной культуре // Общественные науки и современность. 1997. № 1.
16. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20.